

ISSN 2073-0071

Ежемесячный научный журнал

**Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук
№ 02 (73) февраль 2015. Часть I.**

Архив журнала доступен в Научной Электронной Библиотеке (НЭБ) - головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в международный каталог периодических изданий "Ulrich's Periodicals Directory" (издательство "Bowker", США).

Цель журнала — публикация результатов научных исследований аспирантов, соискателей и докторантов.

Тематические разделы научного журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук» соответствуют Номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной приказом Минпромнауки России от 31.01.01 № 47.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Полное или частичное воспроизведение или размножение, каким бы то ни было способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения авторов

Для корреспонденции: 117036, г. Москва, ОПС №36

а/я №44 (до востребования)

Официальный сайт: www.publikacia.net

E-mail: publikacia@bk.ru

Гл. редактор Долматов А.Ф.

Цена свободная

ISSN 2073-0071

9 772073 007095

© Авторы статей, 2015

© Оформление типография «Литера», 2015

© Институт Стратегических Исследований, 2015

<i>Стоян С.П.</i> ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СИМВОЛИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ	221
<i>Фарберова О.Е., Тонких В.А.</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	225
<i>Харченко Д.А.</i> СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ	227

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аверина М.А.</i> ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В ПОЭЗИИ Э. ПО	230
<i>Ваулина Е.Ю.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: «ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ» ИЛИ «ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ» СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	233
<i>Выходцева И.С.</i> ПРОЦЕССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	236
<i>Добренко О.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РАССКАЗАХ МЮРИЭЛ СПАРК	239
<i>Добренко О.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ (САТИРЫ) В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МЮРИЭЛ СПАРК (НА ПРИМЕРЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ)	242
<i>Дынниченко Т.А.</i> МОТИВНЫЙ КОНСТРУКТ ТОПОСА «САД» В ПОВЕСТИ А. ЖИДА «ИЗАБЕЛЬ»	244
<i>Жунусова М.К., Кадина Ж.З., Мизанбаева Г.Ш., Сатеева Б.С., Ержанова А.</i> ПРОБЛЕМА ПРОЕКТА «ТРИЕДИНСТВО ЯЗЫКОВ» В КАЗАХСТАНЕ: ПОЛИЯЗЫЧИЕ ИЛИ МОНОЯЗЫЧИЕ	247
<i>Кочнова К.А.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “ЦВЕТОСВЕТОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ” В ОСЕННЕМ ПЕЙЗАЖЕ А.П.ЧЕХОВА	250
<i>Кузьмин А.А.</i> К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ	251
<i>Любезнова Н.В.</i> «ЦВЕТЫ КРАСНОРЕЧИЯ»: МОТИВИРОВАННОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТА	253
<i>Нефёдов И.В., Огрызко Е.В.</i> ТЕКСТ И РОК-ТЕКСТ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН	256
<i>Орынханова Г.А., Жардамалиева Ж.Б., Абдикалык К.С.</i> КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ	263

Дыниченко Т. А.

Аспирант, кафедра всемирной литературы,
Киевский университет имени Бориса Гринченко

Аннотация

В статье исследуется комплекс мотивов, составляющих парадигму значений топоса «сад» в повести А. Жида «Изабель», анализируются особенности реализации и функционирования данного топоса на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях его структуры.

Ключевые слова: мотив, топос, хронотоп, романтизм, модернизм.

Keywords: motif, topos, chronotope, romanticism, modernism.

МОТИВНЫЙ КОНСТРУКТ ТОПОСА «САД» В ПОВЕСТИ А. ЖИДА «ИЗАБЕЛЬ»

Во Франции жизнь и творчество А. Жида давно является предметом разностороннего изучения (А. Моруа, А. Клуар, П. де Буадеффе, К.-Э. Мани, Ф. Лестренгани др.), но в советском и постсоветском литературоведении исследовались только отдельные аспекты художественного наследия писателя (З. Кирнозе, В. Никитин, Л. Токарев, Л. Еремеев, Н. Ржевская, М. Якубяк, И. Никитина, Е. Войцеховская и др.). Предметом данной работы является анализ топоса «сад» в повести А. Жида «Изабель» (1911). Эта повесть стоит особняком в творчестве писателя, но продолжает развивать одну из его главных тем – тему свободы личности и морального выбора. А. Тибод писал: «Он мог бы назвать свою повесть «Широкий путь» [11, 681], в противовес предшествующим «Тесным вратам». А. Жиду, для которого моральная жизнь была соткана из противоречий, «случалось писать почти одновременно две книги в абсолютно противоположном духе» [10, 107]. В повести «Изабель» это колебание маятника «сжалось... до пленительных абрисов французского сада» (А. Тибод) [11, 681]. Ф. Лестренган считает истинным сюжетом книги «загадочную атмосферу нормандской усадьбы, затерянной среди деревьев», «летние месяцы детства в замке Ля Рок», «очарование декаданса и ностальгию по обольстительной и таинственной природе» [11, 679]. А. Жид писал, что повесть «Изабель» – это «критика определенной формы романтического воображения» (10, 113): наложение романтического образа незнакомки, взлелеянного мечтательным юношей под сенью старинного сада, на реальную фигуру героини на фоне срубленных деревьев и изрытых гужевыми повозками аллей, «среди апокалипсиса, который она сама и вызвала» [11, 679] придает иронии особенную пронзительность и делает сад центральным образом повести.

Топос сада является сердцевиной повести «Изабель». Понятие топоса было введено в сферу литературы – Э.Р. Курциусом. В нашей работе мы будем опираться на определение топоса как «значимой семиотической, культурно-типологической единицы, которая предстает в тексте в виде художественного образа с пространственными характеристиками, несущего устойчивые

смысловые значения оппозитивного типа», данное А. Булгаковой [2, 55]. Пространственные категории в искусстве могут восприниматься, по мнению Ю. Лотмана, как своеобразный «язык моделирования» и служить «для выражения непространственных отношений» [7, 280]. Понятие топоса связано также с понятием «хронотоп» М. Бахтина, который утверждал: «Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [1, 235]. Понятие хронотопа как пересечения пространственных и временных рядов предоставляет большие возможности для перевода локального пространства в символический план. А. Булгакова рассматривает топосы как «тексты в тексте», поскольку, входя «в художественный текст со всей парадигмой образов и значений, которые актуализированы в данном произведении...» [2, 52], они сохраняют «генетический код» культуры и способны генерировать новые значения.

Топос сада является архетипическим: в фольклоре он представляет противопоставление окультуренного пространства и дикой необжитой природы, а шире – порядка и хаоса. В Библии семантика образа сада усложняется: «функция райского сада как архетипического топоса заключается в том, чтобы объяснить переход человека из эпохи первоначальной безгрешности и счастливой безответственности в состояние ответственности и свободного принятия собственной судьбы, которое часто сопровождается грехом, нищетой и смертью» [9]. В каждую последующую эпоху топос сада обогащается новыми мотивами в соответствии с социально-историческим и культурным контекстом.

Топос сада в повести «Изабель» содержит в себе целую палитру мотивов и реализуется на всех трех уровнях своей структуры – реальном, перцептуальном и концептуальном, на каждом из которых он актуализирует специфические значения и имеет особенности функционирования. На реальном уровне топос сада в повести является функциональным пространством: организует сюжет, определяет стилистику, мотивирует поступки персонажей. Поведение главного героя (Жерара) определяется не только чертами его характера, но и условиями определенного художественного пространства, в которое помещает его автор. Воображение молодого человека, которому предстояло провести некоторое время в родовом имении Картфурш для работы над диссертацией, мгновенно нарисовало ему весь «романтический» комплекс: старинный замок под вековыми деревьями, семейные тайны, любовное томление. Герой признается: «...моя диссертация была уже не более чем предлог, я мысленно входил во дворец не как простой школяр, а как Нежданов или Вальмон и предвкушал приключения» [5, 108]. Реальность с первых же минут оказалась совсем иной, и незадачливый романтик, заскучав, уже засобирался назад, как вдруг (впрочем, вполне предсказуемо) появляется портрет загадочной незнакомки. Жерар, «как в сказке, влюбляется в принцессу, увидев ее портрет» [5, 153]. Невозможность узнать историю девушки «самой трепетной, самой ангельской красоты» только накаляет чувства. Герой бродит «по осеннему парку, ставшему каким-то более просторным и звонким»: «...я сначала вполголоса, а потом громким голосом звал: Изабель!..», «...за каждым

поворотом аллеи мне виделось ее исчезающее белое платье; каждый луч света, проникающий сквозь трепещущую листву, напоминал мне ее взгляд, ее меланхолическую улыбку... Как красив был парк! С каким достоинством предавался он грусти...» [5, 161]. А. Жид использует сентиментально-романтический стереотип топоса сад для иронического изображения несостоятельности «романтической иллюзии» мечтательного героя. В конце повести Жерар признается Изабель (и себе самому): «Прошлой осенью, будучи в гостях у ваших родителей, я заснул в тиши Картфурша, влюбился во сне и сейчас проснулся. Прощайте» [5, 219].

На перцептуальном уровне романтический топос сада в повести поднимается до уровня образа-символа и приобретает черты хронотопа. Д. Наливайко отмечал, что у романтиков проявляется принципиально новый подход ко времени и пространству в искусстве: «...не только время, но и пространство становятся прежде всего категориями историческими...» [8, 241]. О специфике образа сада в романтизме писал Д. Лихачев: «Романтизм воспринимает сады во времени...», «...сад и парк теснейшим образом связаны... со всем строем создавшего их общества» [6, 450–451]. Романтизм, по определению Д. Наливайко, на своем содержательном уровне был «реакцией на окончательную смену общественных формаций, на установившееся господство буржуазии» [8, 224]. Отличительной особенностью этого процесса во Франции было «перерождение аристократии и поглощение ее буржуазией» [4, 18]. Отображением этих исторических перемен в повести «Изабель» становится поместье нормандского аристократического рода с несчастливым названием «Картфурш» («Перекресток»). А. Жид изображает живущих в нем одряхлевших аристократов в духе гротескно-фантастического романтизма. Это «персонажи с марионеточными жестами, старомодным слогом, в нарядах отжившего мира» [11, 679] – «...в музее естественных наук их без колебаний поставили бы в одну витрину в разделе «Исчезнувшие виды» [5, 129]. Но Картфурш – это не только склеп для «исчезнувших видов», но и развилка дорог для «видов» новых. Размышления о жизненном пути для А. Жида неразрывно связаны с вопросом о свободе выбора и проблемой морали. Главный герой воспринимает название имения как символ: «...это здесь, думал я, Геракл оказался на перепутье... Я знаю, конечно, что ждет его на пути добродетели, но куда ведет другая дорога?..» [5, с. 108].

Отображение этих философско-этических проблем реализуется в повести «Изабель» на концептуальном уровне топоса «сад», который представляет собой сложное переплетение двух мотивов – мотива природы в философской концепции Просвещения, т. е. «разумного, доброго, вечного», и мотива «потерянного рая», грехопадения в концепции христианской. В соответствии с первым мотивом можно выделить группу персонажей, подходящих под руссоистское определение «человек естественный». Это любительница ботаники Олимпия с говорящей фамилией Вердюр («Зелень»), покидающая имение после первых ударов топора. Это внебрачный сын («*le fils naturel*») Изабель Казимир, плачущий о каждом дереве. Это Грасьен («благодарный»), который еще при жизни хозяев «ревностно следил за всем садом» [5, 150] и показывал Казимиру «как сажать черенки и делать прививки»

[5, 198]. В новой жизни он, как Кандид, «возделывает свой сад»: на арендованной ферме, выкупленной для них Жераром, они с Казимиром «очень неплохо обрабатывают свои земли» [5, 222], что дает им возможность вести скромную и добродетельную жизнь. Такой финал переключается со словами одного из героев философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду» [3, 241]. Сам Жерар, освободившись от романтических иллюзий, словно герой Ж.-Ж. Руссо бежит от цивилизации (из Парижа) на лоно природы (в имение своей жены), где ведет вполне добродетельную жизнь и лишь изредка с грустью вспоминает о «романтическом приключении» своей молодости.

Если Жерар, освободившись от иллюзий, осознанно выбирает путь добродетели, то для Изабель, оказавшейся неспособной сделать выбор из-за страха перед свободой, уготована «другая дорога». С ее образом связан мотив изгнания из райского сада за прегрешение (она изгнана из дома своими родителями). Сад для героини – это состояние безгрешности в которое она не может вернуться, ее «утраченный рай», по которому она грустит: «в дождливую погоду она не выходит из комнаты; ...стоит там перед окном и глядит в сад» [5, 207]. Но она уже другая: «ангельская чистота миниатюры уступила место страстной томности и какому-то пренебрежению, наложившему свою печать на уголки губ...» [5, 189–190], поэтому она «без зазрения совести» [5, 207] за бесценок продает срубленные деревья. Отрыв от природы, от корней, воплощенных в образе вырубленного сада, оборачивается для героини не свободой, а бездомностью, вечным скитанием и моральной деградацией.

Таким образом, в повести «Изабель» А. Жид актуализирует в топосе «сад» ряд мотивов: мотив гармонии человека с природой, как основы нравственности; мотив утраченного рая и связанной с ним проблемы осознанного выбора; социально окрашенный мотив «естественных» ценностей и ценностей фальшивых, ведущих к моральной деградации. Романтический же стереотип топоса «сад» в повести становится полем для игры с читателем: используя его как структурный стержень произведения, автор превращает его в инструмент для создания характерной для модернизма иронии по отношению к объективной (прошлой и настоящей) действительности и выражения своих философско-этических взглядов.

Литература:

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407, С. 235.
2. Булгакова А. А. Топика в литературном процессе: пособие / А. А. Булгакова. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 107 с.
3. Вольтер. Философские повести: Пер. с фр. / Сост. вступ. ст. и ком. А. Михайлова; Ил. Ж.-М. Моро-Младшего. – М.: Правда, 1985. – 576 с., 4 л. ил.
4. Еремеев Л. А. Французский литературный модернизм / Л. А. Еремеев. – К.: Наукова думка, 1991. – 120 с.

5. Жид А. Пасторальная симфония. Изабель: [пер. с фр.] / Андре Жид. – М.: АСТ Астрель, 2010. – 221 [3] с. – [Книга на все времена).
6. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд.; испр. и доп. / Д. С. Лихачев. – М.: Согласие: ОАО «Тип. Новости», 1998. – 471 с.; с. ил.
7. Лотман Ю. М. Структура художественно текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – С. 280.
8. Наливайко Д. С. Искусство: направления, течения, стили / Д. С. Наливайко. – К.: Мыстецтво, 1980. – 288 с.
9. Хайнади З. Архетипический топос // З. Хайнади [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/articlif.php?ID=200402903>.
10. Boisdeffre P. de Le „Christianisme” d’André Gide / P. de Boisdeffre. Métamorphose de la littérature de Barrès à Malraux. Paris: Edition Alsatia, 1953. – P. 91–160.
11. Lestringant F. André Gide l’inquiéteur : Le ciel sur la terre ou l’iniquité partagée : 1869-1918 / Frank Lestringant. T. I. – Paris. : Flammarion, coll. « Grandes Biographies », 2011. – 1168 p.